

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Р.П. Шпакова, Р.Е. Гергилов
БРАТЬЯ АЛЬФРЕД И МАКС ВЕБЕРЫ

В статье рассматривается жизнь и творчество Макса и Альфреда Веберов; анализируются их методы исследования общественных явлений. Цель работы заключается в презентации их теоретических концепций в их связи с социальными, политическими и экономическими проблемами того времени. Особое внимание уделено выявлению сходства и различия их подходов к решению этих проблем и преодолению господствующего предрассудка о неравновеликости вклада М. Вебера и А. Вебера в социологию. Предпринимается попытка выявления новаторского характера социологических концепций последнего.

Братья Альфред (1868–1958) и Макс (1864–1920) Веберы росли в многодетной семье национал-либерального депутата рейхстага и глубоко религиозной и социально-политически ангажированной подвижницы. Ведущие политики и известные ученые часто посещали дом Веберов, а братьям с юных лет разрешалось присутствовать при многих серьезных беседах и дискуссиях. К занятиям в гимназии братья относились по-разному. Макс был блестящим учеником, а Альфреду однажды даже пришлось повторить пройденный курс. Так или иначе, гимназия осталась позади, и перед каждым из них встал вопрос выбора профессии.

Альфред, в отличие от Макса, был художественно одаренной натурой, писал пьесы и стихи (поэтом он оставался на протяжении всей своей жизни). Это позволило ему избрать в качестве основных университетских дисциплин историю искусств и археологию. Но вскоре у Альфреда проявились склонности к юриспруденции и экономике, и он перевелся на юридический факультет Берлинского университета. Имело ли здесь место влияние отца или брата, сказать трудно. С разных сторон, особенно от его друга Э. Хоффа, поступали советы посвятить себя изучению экономики народного хозяйства, слывшей в ту пору «модной» наукой. После окончания университета последовала защита диссертации по национал-экономии под руководством Г. Шмоллера, а затем, в 1899 г. — хабилитация по этой же научной дисциплине.

В 1894 г. Макс был приглашен во Фрайбургский, а в 1897 г. в Гейдельбергский университет, но его контакты с братом не прерывались даже после принятия последним в 1904 г. приглашения Пражского Немецкого университета. В 1903 г., из-за болезни, Макс был вынужден оставить кафедру и поддерживать контакт с университетом лишь в качестве профессора-консультанта. В 1907 г. Альфред получил профессию в Гейдельбергском университете, и вплоть до начала Первой мировой войны у братьев вновь появилась возможность встречаться чаще. Свидетельства некоторых очевидцев и фрагменты сохранившейся переписки говорят не только о частной жизни Веберов, но и об их тесном сотрудничестве на ниве науки и политики (Archiv M. Weber-Schdfers: B. 1–12).

Еще до гейдельбергского периода они поддерживали связь с матерью и защищали ее от авторитарного гнета отца. Впоследствии братья без особых трений разделили между собой отцовское наследство. Встречались они чаще всего в доме матери и нередко сопровождали ее в деловых поездках и путешествиях (Bundesarchiv Koblenz: Fasc. 48).

Надо сказать, что на решение Ученого совета Гейдельбергского университета предложить заведование кафедрой Альфреду Веберу Макс никоим образом не влиял, он вообще был противником какого-либо протекционизма, особенно злоупотребления родственными связями. Но как только Альфред был утвержден в должности, Макс приложил все силы, чтобы склонить брата принять предложение и всячески помогал ему в организационных вопросах.

Правда, время от времени между ними наступали периоды охлаждения отношений, что объяснялось их давней семейной конкуренцией, хотя и этот факт требует уточнения. Общеизвестным стало мнение, что слава М. Вебера как «гейдельбергского мифа» затеняла достоинства младшего брата. Но Альфред, как об этом пишет в своих воспоминаниях М. Брод, еще на своих пражских семинарах безо всякой зависти и с большим уважением отзывался о своем «старшем брате» (Brod 1979: 204). Причины периодически возникавших между ними разногласий намного сложнее и имеют мировоззренческий характер. Альфред еще в юные годы освободился от различных сексуальных табу родительского дома. В Праге, вдалеке от опеки родственников, он был волен в выборе стиля жизни. Тем не менее, все свои похождения молодой человек хранил в тайне, внешне выглядя вполне нормальным профессором-буржуа.

В то же время, находясь под влиянием своего коллеги Х. Фон Эренфельса, проповедовавшего с кафедры идеи полигамии, Альфред расширял мировоззренческий фундамент своего понимания жизни. К Ницше, которого он прочитал еще в школе, добавился А. Бергсон, ярый пропагандист философии жизни, которого он считал основоположником освобождения личности от пут чисто интеллектуально-аскетического миропонимания XIX в. (Weber A. 1935: 438). Ввиду того, учил Бергсон, что разум может охватить лишь мертвое и застывшее, для познания реальной жизни необходимо привлекать интуицию. Но интуиция открывает дверь в новый мир чувств и нравственности, в котором господствуют свобода и любовь, сменяющие мораль разу-

ма — эту этику принуждения буржуазного общества, признающую лишь не-свободу, закон и обязанности. В те годы в немецких интеллектуальных кругах Праги философия жизни была духовным мейнстримом, протестом против интеллектуального наследия рационализма и поиском интуитивного понимания мира, объединившимся с антибуржуазным сознанием и эротическим освобождением (Kohn 1964: 61).

Переехав в Гейдельберг, Альфред явно обозначил свои взгляды на жизнь и сразу же нашел единомышленников, среди которых был основатель витализма Г. Дриш, ставший впоследствии его лучшим другом. Этот философ, опираясь на свои исследования, ратовал за новую нравственность, которую следует приветствовать как саму жизнь. К этому времени «эротическое движение» достигло Гейдельберга, и Альфред открыл двери своего дома представителям богемы из кружка С. Георге, с которым, впрочем, сам не находил общего языка, но с помощью его ученика П. Райнера состоял в контакте с немецким Молодежным движением. Макс Вебер и его очень консервативная в вопросах морали жена Марианна, напротив, были сторонниками законного брака, вели аскетичную трудовую жизнь, осложнявшуюся болезнью мужа, и к последователям С. Георге, З. Фрейда и виталистам относились отрицательно (Weber Marianne 1950: 54).

Сразу же по приезде Альфреда в Гейдельберг у братьев вспыхнула оживленная полемика: младший брат пытался убедить старшего в рациональной односторонности неокантианства и необходимости иметь более широкие воззрения на мир. Это ему не удалось и, несмотря на относительное примирение, фундаментальные расхождения по этому вопросу еще долго омрачали их отношения. Год спустя Альфред вновь часами обсуждает с братом вопросы «сексуальной этики». Эти мировоззренческие разногласия нашли отражение и в научно-теоретических концепциях братьев. В своей книге о М. Вебере А. Митцман пишет о том, что строгое подчинение инстинктов, особенно либидо, требованиям разума привело Макса к созданию социальной теории, которая по аналогии с homo economicus постулировала в качестве нормы homo rationalis, а иррациональное поведение пыталась заключить в некое остаточное понятие, не учитывая при этом важных психологических аспектов (Mitzman 1969: 88). Альфред, напротив, отрицал рациональное познание мира и был убежден в том, что разум не в состоянии «вскрыть глубинные внутренние взаимосвязи бытия», поскольку «категории рассудка и разума не адекватны мировому процессу и его сущности» (Weber A. 1932: 19).

Ссылаясь на Бергсона и Шелера, он призывает к «метарациональному», интуитивному «созерцанию жизни как чего-то текущего, движущегося» (Weber A. 1927: 5). Альфред говорит о психологическом и биологическом двигателе, направляющем человеческую деятельность, объективирующуюся в идеях и произведениях искусства. Двигатель этот следует понимать, опираясь на чувство самой жизни, проявляя определенный интерес к психологическому аспекту, позволяющему анализировать такие пограничные феномены, как гениальность (Weber A. 1911). Правда, определенная настроенность против психоанализа уводит его от конкретного психологического уг-

лубления исследовательского подхода. Однако теоретический уровень развития социологии, психологии и биологии того времени и не давал возможности удовлетворительной научной интеграции этих дисциплин. Позднее некий синтез этих наук осуществил докторант А. Вебера Н. Элиас в своей работе «О процессе цивилизации» (Элиас 2000).

Несмотря на разногласия, пути братьев в маленьком Гейдельберге вновь и вновь пересекались. Макс старался не посещать руководимые Альфредом социологические вечера, предпочитая философский кружок «Янус», основанный Альфредом совместно с естествоиспытателем О. Клебсом (Weber Marianne 1950: 413, 470). Братья навещали друг друга и встречались на конгрессах и университетских мероприятиях. Здесь и осуществлялась их совместная работа, которой не мешали разные взгляды на жизнь и научные подходы. Особенно плодотворно братья сотрудничали в рамках Союза социальной политики.

Научный руководитель Альфреда известный национал-экономист Г. Шмоллер был одним из основателей и многолетним председателем этого Союза, членом которого его подопечный стал сразу же после защиты диссертации в 1897 г. Вскоре его избирают в административный комитет и наделяют организационными полномочиями. При этом Альфред является связующим звеном между руководством Союза в Берлине и Максом в Гейдельберге. На съезде Союза в Бреслау в 1899 г. он выступил с докладом о домашней промышленности, и с этого момента они с Максом стали олицетворять социально-политический авангард этого научно-политического объединения (Lindenlaub 1967: 84). Братья Веберы, совместно с другими молодыми коллегами Г. Шульце-Геверницем, В. Зомбартом, Ф. Теннисом и Р. - Вильбрандтом создали левое крыло «Союза». Позднее к ним присоединился и «старый либерал» Л. Brentano. Макс и Альфред являлись, как выразился однажды Шмоллер, «дрожжами и оживлением наших съездов» (Schmoller 1908: 120). При этом Макс все больше и больше выходил на передний план, а Альфред, в свою очередь, был убежден в том, что его брат и В. Зомбарт являлись «бесспорно лично и научно выше других известных молодых членов Союза» (Weber A. 1933: 5). Кроме того, Макс и Альфред критиковали своих старших коллег за политический консерватизм, смешивание научного познания и этических ценностных суждений и необоснованное неприятие марсистского социализма. Веберы и их друзья часто провоцировали дискуссии, порой приводившие к расколу «Союза».

Первый серьезный кризис разразился на Мангеймском съезде в 1905 г., когда друг Альфреда и Макса Ф. Науман в своем выступлении косвенно раскритиковал предложения Шмоллера по закону о картелях. Шмоллер резко отреагировал на выступление и назвал докладчика демагогом и марксистом. Это очень не понравилось Максиму, и он решил защитить друга от несправедливых нападков. И если Альфред повел себя дипломатично и выразил свою точку зрения по обсуждавшемуся вопросу в письме Шмоллеру, его брат, в эмоциональном порыве, принял решение выйти из состава Союза. Альфред поддержал Наумана и брата и согласился даже на создание нового, стоящего на левых позициях объединения. Но узнав, что Brentano считает эту затею

бессмысленной, Макс решил забрать заявление о выходе из Союза социальной политики.

На венском съезде в 1909 г. вновь вспыхнула дискуссия. На сей раз речь шла о свободе от ценностных суждений. Дискуссии было решено посвятить отдельное заседание специального комитета, которое состоялось в 1913 г. Главным докладчиком на нем был М. Вебер. С момента выхода в свет его работы «Объективность социально-научного и социально-политического познания» он вновь и вновь пытался убедить своих коллег в необходимости строгого разделения научного исследования и ценностного суждения (Коска 1976: 288). В этой дискуссии Альфред намеренно принимал самое минимальное участие. На специальное заседание в 1913 г. он не поехал, но на съезде Союза в 1911 г. он четко обозначил свою позицию и впоследствии не раз озвучивал ее. В своих поздних работах Альфред не раз критиковал точку зрения брата. Он считал, что идеальное деление суждений на научные и ценностные, как этого требовал Макс, возможно лишь в ограниченных пределах, так как объективность в этом смысле не может достигнуть большего, чем «скелета основных данных» (Weber A. 1927: 20). Сам он считал научную оценку неизбежной. Все это породило, по словам немецкого социолога Р. Кёнига, неправильное понимание тезиса М. Вебера (König 1964: 5). В действительности позиции братьев были сходными, что подметил уже в ходе дебатов «Союза» в 1911 г. А. Венкштерн. Альфред, так же, как и Макс, требовал, чтобы в научных исследованиях применялся объективный анализ, а ценности по возможности исключались. Как и Макс, он видел, что научная постановка вопросов как таковая уже содержит ценностную составляющую. Оба рассматривали оценку как конститутивную составную часть практической политической деятельности (Lindenlaub 1967: 83). Единственное различие, на наш взгляд, состояло в том, что Альфред, в отличие от Макса, пытался привить свои политические взгляды студентам. Макс воздерживался от политических и иных оценок не только в университете, но и в частных беседах со студентами вне его стен. От публичных высказываний по политическим вопросам и участия в разного рода общественно-политических диспутах и дискуссиях брата Веберы не отказывались. Оба участвовали в основании «Немецкого социологического общества», целью которого было способствование ценностно-нейтральным научным дискуссиям и процессу институционализации социологии (Гергилов 2003). Правда, младший брат был гораздо менее активен в работе НСО, чем старший.

В 1912 г. в Союзе вновь разразился кризис. Левое крыло запланировало мощную демонстрацию против общего застоя в официальной социальной политике (Lindenlaub 1967: 419). Brentano, на сей раз, настаивал на создании нового, проводящего прогрессивную социальную политику союза (Mommsen 1974: 127). 19 октября 1912 г. в Лейпциге состоялось «доверительное» собрание единомышленников, в котором участвовали оба брата. Правда, по одному важному пункту остались разногласия. Brentano выступал за социал-демократические реформы, а М. Вебер считал необходимым ограничиться лишь буржуазными социальными реформами. В конце концов, с предложением Brentano согласились лишь Теннис и Вильбрандт. И

здесь Альфред проявил лояльность по отношению к брату, хотя и симпатизировал немецкой Социал-демократической партии и в своих публичных выступлениях призывал поддерживать ее. Как и раньше, он искал компромиссный вариант. Для этого Альфред, совместно с членом «Союза» Д. Кесслером, разослал обращение к обеим спорящим сторонам. Но попытки примирить Брентано и брата оказались тщетными, и согласия достичь не удалось.

Научные исследования в сфере экономики, которые проводили братья по поручению Союза, касались разных объектов. Макс изучал положение остэльбских рабочих, Альфред — ситуацию в немецкой домашней промышленности. Позднее они обратились к внеэкономической сфере, подчеркивая при этом, что политэкономические вопросы следует в первую очередь рассматривать как политические (Weber M. 1980: 14). Оба они опасались, что в ходе возрастающего протекционизма многочисленные иностранные регионы будут закрыты таможенными барьерами для немецкого экспорта (Weber A. 1904). Но последствия этих процессов представлялись Альфреду иначе, чем Макс. Если Макс считал, что экспорт — и тем самым рост занятости в Германии — можно обеспечить и развивать с помощью расширения политического могущества государства, т. е. «международной силовой политики», Альфред, как и Шульце-Геверниц, расценивал такие предложения как не совсем правильные (Mommsen 1974: 83). Им он противопоставлял сухие цифры. Несмотря на закрытие рынков французских, португальских и американских колоний, немецкий экспорт в эти регионы возрос с 12, 1 млн марок в 1890 г. до 25, 1 млн в 1900 г. (Weber A. 1904: 321). Цифры показывали, что и таможенное «капсулирование» не мешает росту немецкого экспорта. Тем самым для Альфреда отпадал вопрос возможной военной экспансионистской политики. В отличие от брата, он в принципе был против любой грубой политики силы — вместо этого он приветствовал добровольное создание больших экономических пространств, например, Германии и Австро-Венгрии.

В вопросе соотношения государства и экономики братья Вебер в общем и целом были едины. Оба поддерживали частную предпринимательскую инициативу и отвергали национализацию экономики. Правда, в этих вопросах Альфред был более гибким. На съезде Союза в 1905 г. он выступил за национализацию некоторых горнодобывающих предприятий, чтобы с помощью снижения цен в государственном секторе пресечь попытки завышения цен частными картелями. Это предложение было одобрено отраслевым профсоюзом, но отклонено Максом со ссылкой на то, что государство, как правило, проводит еще худшую ценовую политику, чем частный сектор экономики. Но если по экономическим вопросам братья работали автономно, то исследования состояния рабочего класса Германии они проводили в тесном сотрудничестве. Сама тема, как подчеркивает Марианна Вебер в биографии мужа, «была в основном выдвинута его братом и коллегой Альфредом» (Weber Marianne 1950: 329). Альфред сознательно перенес термины, методы и приемы естественных наук на социологию и тем самым обозначил начало эмпирических исследований в Германии. Он обсуждал свой проект с братом летом 1907 г., и тот согласился принять участие в нем.

Для его реализации в Союзе социальной политики был создан подкомитет по подготовке анкет, состоявший из братьев Веберов, Бюхера, Херкнера, Шмоллера, Зинцхаймера, Штайна и Цвидинек-Зюденхорста. На заседании в июне 1908 г. был представлен рабочий план и разработаны соответствующие вопросники, причем братья явно выделялись в процессе работы — у них «фонтанами били идеи» (Lindenlaub 1967: 39). Макса интересовала в первую очередь, «психофизика», на сегодняшнем языке — физиология промышленных рабочих, и он опубликовал методологическую статью о проявлениях усталости и работе мышц при выполнении определенных технологических операций (Weber M. 1924). Альфреда, в соответствии с его философской позицией, интересовала жизнь человека, т. е. в данном случае «психологические проблемы» промышленных рабочих, обстоятельства, сопутствующие выбору профессии, смена профессий и судьба профессий. На съезде Союза в 1911 г. эти вопросы были рассмотрены на одном из заседаний под общим названием «Проблемы психологии рабочих». С основным докладом выступил Г. Херкнер, содокладчиком — А. Вебер. В своем докладе он указал, в первую очередь, на характерный момент в жизни промышленного рабочего: в отличие от чиновника или предпринимателя, которые к сорокалетнему возрасту достигают высокооплачиваемых должностей, рабочий к этому возрасту, как правило, переводится на менее оплачиваемое место или постепенно исключается из производственного процесса ввиду сильного износа (Weber A. 1912: 388). Чтобы «психически оздоровить» работу в промышленности, Альфред предложил ввести дополнительную пенсию для пожилых рабочих, но это предложение было коллегами отклонено.

Одним из разделов социологии, важнейшим предтечей и теоретиком которого считается Макс Вебер, является социология бюрократии. И в этой области братья также тесно сотрудничали. Макс давно занимался историческими и социально-экономическими аспектами бюрократии. Но в их первом публичном выступлении на съезде Союза в 1909 г. на первый план вышел иной аспект проблемы. Альфред в своей речи резко выступил против старшего поколения катедер-социалистов, «прочувствованно» характеризовавших государство и бюрократию и предоставивших этим институтам право играть огромную роль в жизни людей. Он отмечал техническую эффективность бюрократии, делающую ее незаменимой в государственных учреждениях и крупных промышленных предприятиях, но предупреждал о психологических последствиях: о «превращении нашего общества в целом в мещан и филистеров», что ведет к «удушению самостоятельной духовной инициативы» и создает новый тип человека: «немецкий, преданный и с правом на пенсию» (Weber A. 1910a: 239). Сразу же после выступления Альфреда слово взял Макс и поддержал брата, подчеркнув свое полное согласие с его выводами. Как и брат, Макс осуждал превращение человека в колесико бюрократической машины, но критика его имела иное направление. Если Альфред делал акцент на развитии физического и духовного потенциала общества, Макс критиковал трактовку феномена бюрократии А. Вагнером и его последователями, прежде всего, с позиций политического состояния Германии (Lindenlaub 1967: 396).

Год спустя Альфред первым из братьев опубликовал основополагающую работу по проблеме бюрократии (Weber A. 1910b). Еще более определенно он говорит о возникновении и развитии бюрократии и характеризует торжественно шествующую бюрократизацию общества как социальную революцию XIX в. Выражаясь весьма эмоционально и образно, он показывает, «как поднимается в нашем государстве „громадный аппарат“, как психика населения приспосабливается к этому „аппарату“ и как возникает ментальность карьеризма и приспособленчества» (Ibid: 82). С негодованием он констатирует возрастающее «родство большой малоподвижности наших чувств и неощутимой неподвижности аппарата» и ставит цель: «Мы, как люди, как личности и жизненная сила должны искать пути спасения от этого аппарата» (Ibid: 89, 95). Идеи этой работы имели огромный резонанс в немецкоязычных интеллектуальных кругах. Заметное влияние эта работа оказала на Ф. Кафку, чьим научным руководителем А. Вебер был в Праге. В его рассказе «В поселении осужденных» чувствуется идейная, а местами и стилистическая связь с работой наставника. Даже в более поздних произведениях Кафки «Замок» и «Процесс» звучат мотивы веберовского «Чиновника».

К проблеме бюрократии А. Вебер обращается на протяжении всего своего жизненного пути, хотя, в отличие от брата, занимается ею менее систематически и избегает ставить ее в контекст исследований социального феномена господства. Отдавая должное структурному анализу проблемы, проведенному Максом, Альфред, тем не менее, сделал ряд практических предложений, которые, на наш взгляд, заслуживают подробного рассмотрения. Они касаются двух уровней: организационного и психологического. Что касается первого уровня, то еще в 1909 г. он предложил дать государственным служащим больше самостоятельности в принятии решений и, тем самым, повысить их ответственность за результаты своей деятельности. Позднее он пошел еще дальше и предложил формировать административные органы на принципах товарищества с регулярной ротацией чиновников. Таким образом, А. Вебер предложил демократизировать органы управления, что повлекло бы за собой снижение числа случаев своеволия начальства по отношению к подчиненным и облегчило бы последним возможность планирования своего карьерного роста (Weber A. 1913: 11). На психологическом уровне он рекомендует чиновникам среднего звена государственной службы и руководителям в сфере экономики рассматривать свою профессию не как цель жизни, а лишь как средство реализации базовых антропологических интенций. В этих высказываниях чувствуется знание младшим братом результатов исследований протестантской этики и трудовой аскезы, проведенных Максом, видевшим именно в этом смысл существования современного человека, его судьбу. Альфред, напротив, рекомендовал умеренность в труде и возможно более полное раскрытие качеств свободной личности. Такое различие направлений мысли братьев объясняется их разными познавательными ориентирами. Макса интересовали, в первую очередь, формы господства, религиозные мыслительные фигуры, экономические и социальные структуры и их прогрессирующая рационализация. У Альфреда на переднем плане стоит человек и его освобождение от социального, экономического и политического принуждений.

Наибольшее единство взглядов Веберов проявляется в области политики. Оба стояли на леволиберальных позициях и были яркими противниками политики кайзера Вильгельма. И тот и другой были «боевыми» натурами, что для политической деятельности совершенно необходимо. Их политическая активность вне рамок Союза социальной политики была связана с личностью Ф. Наумана. Альфред, в отличие от брата, не принимал участия в работе евангелически-социальных конгрессов, но активно помогал Науману в создании Национально-социального союза и на седьмом съезде представителей этого союза выступил с докладом о политике картелей. Более того, когда этот молодой общественный деятель решил уйти в политику и выдвинул свою кандидатуру в рейхстаг, братья поддержали его идеологически и материально.

Что касается реализации политических целей, то ни Макс, ни Альфред не питали больших иллюзий. Уже в 1894 г. старший Вебер считал буржуазию еще не зрелой для руководства нацией и с большим внутренним сопротивлением принимал участие в основании Национально-социального союза. В своей политической программе, написанной в 1903 г., Альфред, в тон брату, отмечал, что все разговоры о возрождении либерализма в Германии безнадежны. Либеральные партии были не в состоянии представлять интересы низших слоев общества ввиду их организационной слабости. Выход из этого положения он видел в укреплении социал-демократии. Альфред поддерживал социал-демократические профсоюзы в борьбе против организованных предпринимателями «Желтых профсоюзов» и вступился с Максом за лишенных возможности профессионального роста симпатизирующих социал-демократии обществоведов, среди которых был Р. Михельс (Weber Marianne 1950: 359). Макс подумывал даже о вступлении в ряды этой партии, но скоро он разочаровался в политической линии социал-демократов. Вспоминая в конце 40-х гг. прошлого столетия события рубежа XIX–XX вв., А. Вебер отмечал, что после реформ Бисмарка и ослабления парламента наступила эпоха псевдоконституционализма, когда попытки заниматься серьезной политикой были бессмысленны. И все же братья с молодых лет выступали за парламентаризацию Германии, причем первым высказал это предложение на публичной дискуссии Альфред. В его полемику со Шмоллером, опасавшимся излишней демократизации государства, со временем вступил и Макс. Но хотя в этой дискуссии он был на стороне младшего брата, цели они преследовали разные. Макс связывал с более широкими полномочиями парламента усиление Германии на международной арене, Альфред же, напротив, видел в этом процессе возможность разрешения проблем для социальных и этнических групп. Однако различия в позициях не мешали братьям выступать единым фронтом и отстаивать общие идеи.

Один из аспектов парламентаризации был особо дорог братьям. Парламент они рассматривали как место отбора будущих вождей. К началу 1918 г. Альфред выработал собственную концепцию демократии, в которой подчеркивалось, что любое политическое действие с необходимостью осуществляется «ведущим» и послушными ему «ведомыми», а сущность демократии, в конечном счете, есть не что иное, как новый вид определения вождей,

могущих придать политическое самоопределение социуму. Подобная идея «избранничества» была выдвинута Максом в июне 1917 г. После войны Альфред развил свою концепцию и разработал теорию «неэгалитарной демократии» — своеобразный синтез духовной свободы сознания масс и необходимости подчинения руководству. Это достигается посредством всенародного выбора этого лидера и контроля его деятельности. Позднее он не раз подчеркивал отличие предложенной им системы от фашистской диктатуры. В последней элита формируется главой партии и его друзьями, в то время как в демократии этот процесс заключается во взаимодействии избирателей и политических лидеров. Этим взглядам придерживался и Макс, считавший, что в демократии господствует свободное избрание вождей, тогда как в иных системах эта процедура осуществляется закрытыми господствующими слоями общества (Mommsen 1974: 46).

Лишь один, но очень важный пункт разногласий по политическим вопросам возник уже после Первой мировой войны. Находясь под впечатлением послевоенных революционных волнений, Макс выступал за введение института президентства и всенародное избрание главы государства. Альфред, напротив, видел выход из кризиса в усилении парламента и выступал против президентско-демократической концепции брата, характеризуя ее как «политическую романтику».

Позднее Альфреда и Макса, с их идеей вождистской демократии, не раз обвиняли в подготовке идеологической почвы для фашизма Муссолини и Гитлера. Действительно, понятие демократии обоих социологов не соответствует теории демократии французского образца. Но их критики забывают, что теоретические истоки концепций братьев следует искать не в работах Руссо, а в английской теории конституции. Безусловно, с радикально-демократических позиций можно обоих немецких социологов характеризовать как сторонников элитизма, но считать их политическое мышление антиномичным или даже содержащим фашистские обертоны, на наш взгляд, несправедливо. Альфред Вебер, при всей своей личной симпатии к Муссолини, резко дистанцировался по отношению к фашистскому государству, бескомпромиссно боролся с немецкими национал-социалистами, а после прихода их к власти демонстративно не стал с ними сотрудничать.

В самом начале Первой мировой войны, поддавшись всеобщему национальному восторгу, Альфред, несмотря на свой непризывной возраст, добровольцем ушел на фронт и вплоть до начала 1916 г. принимал участие в боевых действиях на территории Франции и Бельгии. Затем последовал перевод в тыл, где он выполнял функции посредника между правительством и политическими партиями. В это же время Макс возглавил армейский лазарет Гейдельберга и периодически публиковался в местной прессе. Но влиять на внутреннюю политику государства, как это удавалось брату, он не имел возможности. Под влиянием военных событий позиция Альфреда постепенно сближалась с империалистическими взглядами Макса, и он вскоре стал принимать деятельное участие в работе группы так называемых либеральных империалистов. Несмотря на это, строгой координации действий у братьев не было, и каждый пытался осуществить свои собственные планы.

Еще будучи на фронте, Альфред опубликовал в прессе статью, в которой он анализирует будущее положение Германии, а себя относит к представителям идей 1914 г. (Weber A 1915: Sp. 1464). Отклики в прессе и письма поддержки и восхищения, полученные от Т. Манна, В. Зомбарта, М. Шелера и многих фронтовиков, свидетельствуют о том, что своей статьей он задел живой нерв немецкого общества. Вслед за статьей из-под его пера вышла программа военных целей, очень схожая с неопубликованной работой Макса по этому же вопросу.

Оказавшись весной 1916 г. в Берлине, Альфред еще активней включается в политическую жизнь. В 1918 г. он участвует в основании Немецкой демократической партии и, принимая временно на себя функции ее председателя, пытается привлечь брата к сотрудничеству. Но тот, подавленный поражением Германии в войне, вначале отклоняет предложение, считая себя в душе монархистом. Макс видит, что кайзер Вильгельм дискредитировал идею монархии, а приверженцам этой идеи не оставалось ничего иного, как постепенно переходить на республиканские позиции. В конце концов Макс вступил в Немецкую демократическую партию и занял левую, близкую к социал-демократии позицию социальных реформ. Оба брата выступали за сохранение капиталистической системы в экономике, но ратовали за снятие социальной напряженности в этой сфере, вплоть до частичной экспроприации сельскохозяйственных угодий и передачи их вернувшимся с фронта солдатам.

В декабре 1918 г., вследствие разногласий с представителями крупного капитала Рурской области, Альфред уходит со всех партийных постов и вместе с братом принимает участие в основании Гейдельбергского общества политики права. Впрочем, в работе этого общества он участвует не столь активно, как брат.

14 июня 1920 г. умирает Макс Вебер, но его память сопровождала Альфреда всю оставшуюся жизнь. Т. Парсонс, учившийся в 1920-е гг. в Гейдельберге, пишет: «Но его (М. Вебера — *Р. Ш., Р.Г.*) духовное влияние в Гейдельберге того времени было еще огромным; на него ссылались во всех теоретических и эмпирических дискуссиях в области социальных наук и наук о культуре» (Parsons 1949: 39).

В 1920-е гг. Альфред был занят исследованиями в области социологии государства и параллельно начинал разрабатывать свою версию социологии культуры. В 1926 г. выходит его объемная статья «Древний Египет и Вавилония», в которой он впервые демонстрирует применение своего культурсоциологического метода на конкретном примере (Weber A. 1926). Но лишь в 1935 г. он публикует свою знаменитую работу «История культуры как социология культуры», в которой он попытался заложить культурсоциологический фундамент универсально-исторической картины мировой истории (Weber A. 1935). Именной указатель этой книги свидетельствует, что по сравнению с другими современными мыслителями чаще всего цитируется Макс Вебер. Особенно часто упоминаются его исследования по социологии религии, городской культуре и, конечно, протестантской этике.

Метод Макса, по мнению Альфреда, был недостаточным, «изолирующим», и в своей социологии культуры он предложил метод «целостной кау-

зальности», т. е. социологический синтез взаимовлияния духовных, социокультурных, экономических и политических факторов. Социокультурные изменения, по А. Веберу, происходят вследствие «таинственного характера индивидуальной спонтанности», особенно ярко отражаются в сфере искусства, каузально не предвидимы и функционально полностью не объяснимы. В чем же состоит единство взглядов обоих социологов при таком методологическом различии? В первую очередь, оно заключено в понятии эволюции в процессе цивилизации. Долгое время М. Вебер считался противником цивилизационной теории, но новейшие исследования его творческого наследия показывают, что с помощью концепции западноевропейского процесса рационализации он сформулировал и оригинальную эволюционную теорию, имеющую большое сходство с понятием цивилизационного процесса, выдвинутым его младшим братом (Münch 1980). Более того, в исследовании древнего иудаизма Макс применил констелляционный метод. Альфред часто указывал на эту работу как на пример применения его собственного метода.

Следует, на наш взгляд, сказать и о том, что затрудняет подход к трудам А. Вебера. Сложность состоит в использовании им метарациональной, кажущейся иррационально-метафизической, категории «имманентная трансценденция». Речь при этом идет о переживании трансцендентных сил, находящихся вне рамок объективного и логически объяснимого, которые склоняют человека, с одной стороны, к свободному творчеству в сфере искусства, хорошим манерам, самопожертвованию и т. д., а с другой, в качестве демонических сил — к негативно-деструктивным поступкам. Эти надличностные силы сосуществуют в человеке и формируются в его сознании в ориентирующие идеи и ценности. В этих тезисах заметны ссылки на поздние работы М. Вебера, в которых «иероглифические картины» тоже называются «безличными силами» и так же, как и они, ведут борьбу за власть над жизнью человека. Стучащемуся в эти годы в двери социальных наук и нелюбимому ими психоанализу братья руки не протянули. Позднее цивилизационную теорию А. Вебера дополнил психоанализом уже упомянутый его докторант Н. Элиас.

С приходом к власти национал-социалистов Альфред в знак протеста оставил университет. Вернувшись после войны к преподаванию, он не нашел своего места в американизированной немецкой социологии и часто жаловался на отсутствие учеников. Но эта жалоба не совсем справедлива — среди людей, считавших его своим учителем, были Э. Фромм, К. Мангейм, Н. Элиас и К. Фридрих.

Литература

Гергилов Р.Е. Немецкое социологическое общество перед Первой мировой войной // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 3 (23).

Элиас Н. О процессе цивилизации. М- СПб.: Университетская книга, 2001.

Archiv Konstanz Nachlass M. Weber-Schäfers.

Bundesarchiv Koblenz, Facs. 48. Brief M. Weber an A. Weber von 29.01. 1898 г.

Brod M. Streitbares Leben. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1979.

Kocka J. Kontroversen über Max Weber // Neue Politische Literatur. 1976. Nr. 21.

